

Слёзы Турана -19: Табун диких

Category: Kitarcy, Taryhy proza

написано kitarcy | 24 января, 2025

Слёзы Турана -19: Табун диких ТАБУН ДИКИХ

Ягмур старательно обучался высокому искусству кочевников. Он уже умел на полном скаку ворваться в стадо, схватить за шерсть нужного барана, вскинуть его на седло и связать. Джигит мог по срезам льда и рисункам снежных сугробов определять направление бури, прошедшей неделю тому назад. В нужную минуту, положив под седло курдючное сало, добыть влаги и смочить ею пересохшее горло коня.

Учили его не только хитростям скотоводства, но и умению владеть мечом, копьем и шитом. С самого детства огузы возились с лошадью, были отличными наездниками. По малейшему движению уха понимали настроение и тревогу своих боевых друзей. Управляли конем без помощи рук, стреляя на полном скаку из лука.

Учеба давалась тяжело. Целыми часами простаивал Яг-мур с большим камнем между ног, чтобы научиться так нажимать на ребра коня, чтобы тот от боли вздрагивал и останавливался. Юный джигит уже до этого умевший делать многое, падал от изнеможения, но глава рода, тот самый старик с длинной бородой, судивший молодого огуза, заставлял повторять упражнения десятки раз. Сам старик считался одним из опытейших воинов.

...Косяк кобылиц, предназначенных для отгула, выпасался на нижних пастбищах, где трава зеленела раньше. Маток гнали осторожно, не делая больших переходов. На десятый день пути дали лошадям отдохнуть. А тем временем сами чабаны, заложив в котлы мясо от захромавшей кобылицы, стали состязаться в скачках.

Старик сжал в руках плеть из шкуры яка, кинжал с мелкой серебряной насечкой из Мидии и занял место судьи, подавая советы молодым пастухам. Все шло хорошо, но вдруг старик вскочил, выхватил из колчана лук, зажал в зубах стрелу и

удивительно легко вскочил в седло. Никто не заметил, как он укусил поджарого жеребца за ухо. Конь от неожиданности ударил задними ногами, озверел и рванулся вперед. Старик дал свободный повод... А когда на груди жеребца выступила пена, старый кочевник повернул его к ближайшему горному выступу, из-за которого важно и плавно показалось стадо гусей. Они летели почти на уровне одинокого облачка. Разогретый жеребец легко вынес старика на пригорок. Проворно выхватив стрелу и почти не целясь, седой бородач пустил ее в небо.

Как видно, стрелял он без промахов. К шатру подъехал, перекинув через седло тяжелую, жирную птицу.

– Ой-е-е! – кричали молодые огузы, стуча кнутовищами, саблями и копьями. В молодых, задорных глазах загоралась буйная зависть.

* * *

На дороге, у высокого перевала, где маячила груда камней с лошадиным черепом, пастухи остановились. Они достали луки, приготовили арканы и надели доспехи. Опасения и осторожность были не напрасными. Из ущелья потянуло дымком. В этих местах, среди скал, бродило много разрозненных племен. Огузы не раз посылали разведывательные отряды, но грязные, косоглазые, в желтых лисьих шапках, так ловко и быстро появлялись и исчезали в горах, заваленных снегами, что даже быстрые огузские кони не могли угнаться за скуластой ордой.

В этот день косоглазые так неожиданно налетели на пастухов, что в седло успел вскочить только предводитель стойбища.

Но молодые огузы не растерялись. Отразив первый натиск дикушей в пешем строю, они вскочили в седла и, как учили их старшие, плотно запахнули кожаные рубашки с железными пластинками, нашитыми на груди, спине и плечах. Молодежь обнажила сабли и мгновенно выстроилась в полуоборот к солнцу. Это был старый, испытанный военный прием, перенятый огузами у парфян.

Отряд кара-китаев развернулся и с диким воплем кинулся во вторую атаку, но теперь только в половину своих сил. Другая

часть направилась к косякам молодых кобылиц, на полном ходу срубая головы стройным, красивым маткам.

Вождь стойбища, взмахнув тяжелой кривой саблей, в лезвие которой был влит свинец, описал круг. Огузы сбросили шкуры, прикрывавшие доспехи. Железные пластинки брызнули солнцем. От неожиданности кара-китаи придержали лошадей, смешались.

Грозной цепью огузы пустили коней вперед, управляя только ногами. Не доезжая на полет стрелы, чабаны натянули тетивы до правого уха. Длинные стрелы с острыми костяными наконечниками запели в воздухе. Они достигли цели, поражая коней кара-китаев. Старый опытный вождь не стрелял, он стоял позади своего отряда и зорко следил за противником. И когда косоглазые стали огибать чабанов слева, вождь с десятком отборных молодцов, среди которых был и Ягмур, набросился на врагов. Но отряд не рассчитал и проскочил мимо левого крыла кара-китаев. Теперь десятка три вражеских конников оказались за спинами чабанов, осыпая их градом камней из кожаных пращей. Тяжелым, ребристым камнем один из кара-китаев попал в затылок предводителю. И не успели чабаны опомниться, как тонкая, витая из бараньих кишок веревка захлестнула шею вождя и вырвала величавого старика из седла.

Ягмур ударил и без того разгоряченного коня, бросаясь в самую гущу свалки, где лежал оглушенный предводитель. Одним ударом он перерубил аркан, взмахнул над косоглазыми саблей, но что-то тяжелое и острое обрушилось на его голову... В глазах потемнело. Расстроив боевые ряды, огузы продолжали рубиться. И все же силы были неравными. Не было старшего, опытного вожака, который мог бы сплотить молодых воинов, ударить в нужном месте... Огузы отходили.

Начинало темнеть, а Ягмур все еще не мог подняться: в голове звенело, как будто кто-то перебирал пластины серебра, отлитые мастером Айтакком... Перед глазами поплыло видение лагеря рабов... Показались норы... Из тьмы встал надсмотрщик, избивающий палкой больного мастера Ягмур хотел подняться, но перед глазами все слилось в черное пятно, покачнулось, поплыло... И вдруг Ягмур

дернулся всем телом, вскрикнул и застонал: ведь и кара-китаи, если победят, снова продадут его в рабство. Эта жгучая мысль придала сил и решительности. Качаясь от слабости, Ягмур тяжело поднялся. Страшные следы остались на поле битвы. Среди ярких, сочных цветов гор лежали убитые, дрыгали ногами и дергались, издыхая, раненые лошади... Ягмур увидел, как его гнедого силился поднять кара-китай, широко взмахивающий палкой с железным наконечником. Любимый конь упирался, рвал привязь. Заметил Ягмур и другое: справа на чабанов-огузов надвигалось новое облако пыли. С огромными мучениями добрался он до юрты, где сидели четыре подпaska и старый хорезмийский раб, с поврежденным плечом. Кочевники собрались было сесть на коней и отправиться вниз к стоянке огузов. Но вот хорезмиец подвел чалого жеребца, и Ягмур приказал подпaskaм следовать за ним.

– Измена!

– Измена! – заорали другие пастухи, видя как Ягмур галопом направил свой небольшой отряд к выходу из ущелья.

Это была до бешенства страшная скачка. Ягмур все плотнее прижимался к потной шее коня, которого он гнал изо всех сил к косяку молоденьких тонконогих кобылиц... Недоступный кобылий косяк возглавлял злой и дикий жеребец, не подпускавший к кобылам не только других лошадей, но и чужих табунщиков. Завидев чужаков, дикий жеребец раскинул хвост по ветру и ошалело помчался навстречу пастухам. Предводитель кобыльего стада ржал и храпел на все ущелье. Молодые подпaska и раб теперь только поняли хитроумный замысел Ягмура.

Пока Ягмур на своем чалом отвлекал внимание взбесившегося жеребца, подпaska завернули косяк гривастых красавиц и направили их к месту схватки. Белый с подпалинами жеребец заметил это и, сверкая глазами, рванулся к своему косяку, В довершение всего бедовые подпaska на полном скаку хватили из костров горящие головешки и прижигали гладкие зады молодым кобылкам... От боли матки бросались в середину табуна, сбивая друг друга, внося сумятицу и страх. Бешеный косяк пронесся по долине и выскочил на поле битвы в тот самый момент, когда пастухи встали уже в замкнутое кольцо – спина к спине... Встали для последней смертельной схватки.

Табун мчался напрямик, не разбирая дороги. Острые копыта горных кобылиц смяли юрты, опрокинули и затоптали неповоротливых верблюдов. Жалобно визжала, спрятавшись под большим камнем, собака...

А пастухи кричали, свистели, стучали в щиты рукоятками ножей и прижигали притких кобылиц головешками. Произошло желанное: лошади вклинились в строй врага и разомкнули плотную цепь кара-китаев. Перемешались лошади и воины... Трещали кости, звенело оружие, звали на помощь раненые, а пастухи бросали в диких коней дымящиеся головешки.

Табун промчался черным смерчем, оставив после себя растоптанные тела и туши. Теперь круг огузов развернулся в стройную линию. Ободренные неожиданной помощью пастухи погнали противника к скалам. Высокое, окруженное с трех сторон отвесными горами ущелье было удобным для того, чтобы окончательно добить незванных пришельцев. Пастухи по самое плечо заворачивали рукава, перебрасывая оружие из правой руки в левую, разминая затекшее тело.

Кара-китаи изо всех сил гнали коней к камням, стараясь как можно дальше оторваться от преследователей. На ходу они раздевались; оставшись в потных и грязных рубашках, отстегивали и сбрасывали с коней седла... Враг опять хитрил, изворачивался и не хотел сдаваться.

Взмахивая тяжелыми саблями, выставив вперед пики, Огузы нагоняли беглецов и разили беспощадно, устилая ущелье трупами. Но противник был еще силен и отчаянно огрызнулся.

– Собака ест собачину! – кричали они и разили кривыми клинками.

Вот отряд достиг гор. Пастухи остановились, с трудом сдерживая горячих скакунов.

Кара-китаи, схватив своих коней за хвосты, изо всех сил стегали их по потным спинам. Цепляясь копытами за едва видимые выступы, кони карабкались к вершинам. А плети взлетали и хлестали до тех пор, пока измученные животные не вынесли всадников на гребень горы. Голые, уставшие кара-китаи грозили плетями и скрывались за камнями. А пастухи, уставшие, возбужденные победой, рассыпались по ущелью, собирая брошенное

оружие и конскую сбрую.

Ягмур и пастухи, смастерив носилки из двух копий, осторожно принесли раненого старика к стойбищу. Taryhu proza